

«Я не ханжа и терпеть не могу, когда джазмены играют, как математики, цифрами. Это же музыка, она должна что-то в душе рождать. Пусть будет сложная, но красивая»

Очень быстрый

Леонид Агутин
о двойном юбилее, истоках латиноамериканской грусти, дружбе с Ал Ди Меолой и кромешном шквале

Интервью ПОЛИНА СУРНИНА

Леонид, всего полтора года прошло с момента выхода вашего альбома «Время последних романтиков», а у вас уже готов следующий – «Тайна склеенных страниц». Как вам удалось так быстро набрать материал?

Не скажу, что эти все песни сделаны за полтора года, но основной материал – да. Что-то меня прорвало. По-взрослому все получилось, я очень доволен звуком, самими песнями. Эта пластинка точно соответствует моему возрасту, профессиональному уровню, отношению к музыке. Поскольку она десятая по счету, очень хотелось, чтобы получилась цельной. Но я не мог себе позволить закрыться в студии и долго писать альбом – три месяца мы готовили концерт в Юрмале, еще я занимаюсь «Голосом» и по-прежнему гастролерирую. Должно быть разнообразие в жизни. На одну песню бросил все силы, записал, уехал куда-то, через месяц вернулся и сделал вторую. На создание одной вещи уходит 5–7 дней. В пересчете на 12 песен это довольно много времени, и то, что в этом году мы успели наскоком записать альбом, – подвиг. Хотелось очень, и сам материал меня двигал – песни родились, надо было дать им зазвучать.

Альбом назван по песне, которую вы с Федором Добронравовым спели в шоу «Две звезды». Почему?

Он дважды юбилейный – мне в этом году исполнилось 45, но на пластинке не хотелось обозначать это словами. Так возникла идея с обложкой в виде странички паспорта. И это назва- →

ние подходило лучше всего. А сама песня – русскоязычный вариант стинговской версии *The Windmills of Your Mind* из фильма «Афера Томаса Крауна».

Я услышал ее пару лет назад и так проникся, что написал на этот мотив два куплета и припев. Потом меня пригласили в «Две звезды», и я понял, что из этого можно сделать номер. Дописал куплет, закончил мысль, придумал, что мы с Федором будем клоунами.

Поговорим о вашем творческом вечере, который прошел в июле в Юрмале в рамках фестиваля «Новая волна». 33 номера, все в исполнении разных артистов, большая часть песен – в новых аранжировках. Вы их сами делали?

Например, ритмический рисунок песни «Я буду всегда с тобой» предложил Слава Вакарчук. А на репетиции мы вместе ее доделали. Медленно и эпически спеть песню «Остров» – это тоже была не моя идея, а Сережи Лазарева, который ее исполнял.

А два Николая, Фоменко и Расторгуев, с песней «По дороге на юг» – это была ваша идея?

Изначально я пригласил Колю Фоменко и Макса Леонидова, потому что мне хотелось объединить на сцене тех, кого давно вместе не видели. С Носковым и Маршалом получилось, бился я два месяца, но все-таки уговорил их спеть

«Переговоры с Алом длились года два. В результате я на свой страх и риск организовал концерт в Москве. И после этого Алу вдруг стало все понятно. Он повел в этот проект. Он увидел, как играет мой коллектив, обалдел от их качества, от Москвы, от публики, от женщин, естественно, – итальянец есть итальянец»

той «Машины времени», когда мне было 15, а они пели «Свечу» под пианино. Она, может, чуть посложнее музыкально, но настроение взято оттуда. Подытоживая разговор о концерте, хочу сказать, что это случай беспрецедентный, такого никогда не было на нашем телевидении. Три часа прямого эфира с живым оркестром в безошибочном, железобетонном звучании – это даже в мире редко бывает. Те живые концерты, которые выходят на DVD, всегда обрабатываются перед релизом. Настоящий живой звук – это только прямой эфир, когда в процессе ничего изменить нельзя.

церта мы приехали на студию *Salam* в Твери. Нужно было продолжать писать пластинку. Но так хотелось отметить недавний успех, что мы плюнули на это дело и решили один вечер и ночь повспоминать, что с нами было за последние 20 лет. Сначала посмотрели концерт еще раз – я первый раз увидел его со стороны и, кажется, единственный.

Почему?

Я не возвращаюсь. Свои эфиры не смотрю почти никогда. Я уже это пережил изнутри, и не мое дело, как это выглядит. Если я об этом буду думать – пиши пропало, потому что мне не нравится ничего. Я себя жутко раздражаю. А изнутри мне кажется, что все отлично. Это самое главное для артиста – энергия заблуждения. Важно быть счастливым, находясь внутри процесса. Но меня заставили посмотреть. А после этого мы начали слушать какие-то мои ремейки, их же тоже было много – порядка пятидесяти. Одних новогодних «Огоньков» штук двадцать – там Челентано спой, там Карузо. Можно отдельную очень большую пластинку выпускать. Мне, например, до сих пор нравится, как мы с женой спели «Эхо» или «Сердце, тебе не хочется покоя». Потом перешли к альбомам. Короче, было десять утра, а мы еще все не послушали. Недавно подсчитал – я из двадцати лет в профессии пять лет чистого времени провел на студии.

А на концерте в «Крокусе» будут песни, которые вы давно не пели и решили воскресить?

Будет «Никому не сестра» – вторая песня с первой пластинки.

Имевшей сокрушительный успех первой пластинки! Вам было трудно после нее записывать вторую? →

КОГДА Я ТОЛЬКО ПОЯВИЛСЯ НА ЭСТРАДЕ, ХОДИЛ СЛУХ, ЧТО Я ГОД ПРОЖИЛ В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ

вместе песню «Аэропорты». А вот Леонидов отказался, я немножко порастраивался, а потом Александр Давыдович Ревзин сказал: «Есть смешнее ход». Такие два Колька. Я говорю: «Саша, гениально, молодец». Удачно получилось. Еще я очень рад, что в последний момент в наш поезд впрыгнули Батырхан Шукенов. Он редкий мастер. Вообще такое собрание разных направлений, прекрасных музыкантов, замечательных певиц. Живых и профессиональных. Чистое счастье работать!

А что Макаревич будет петь «Время последних романтиков», было понятно заранее?

Эта песня ему посвящена. И даже написана как будто от его лица. В стиле

А в Москве вы как отметите юбилей?

8 декабря – концерт в *Crocus City Hall*. Это будет мой личный отчет, я пою свои песни. И еще несколько дуэтных номеров – с Анжеликой Варум, Володей Пресняковым, Томасом Н'Эвергрином. Может быть, я объединю своих подопечных из «Голоса» в хоровой номер.

Будете петь песни со всех альбомов?

Всего в списке около 25 песен. Учитывая, что некоторые длятся по семь минут, получается долго. Но это самый сок – каждая песня знакомая. Потому что, если я просто захочу ознакомить людей со своим творчеством, мы до утра не разойдемся. Есть история на эту тему. После юрмальского кон-

Я вообще тогда об этом не думал. Даже не записывал мелодии. Считал, что если не запомнил, значит, не хит, неинтересно. Чемодан этих мелодий был в голове. Теперь жалею.

А почему именно альбом 2001 года вы решили назвать своим именем?

Это была большая глупость. Его надо было назвать «Половина сердца» и не выпендриваться. Просто лейблу, который занимался альбомом, я был до лампочки. Они тогда продавали пару топовых артистов – Hi-Fi, Шуру. А я устаревать начал, в такую яму попал.

Вы это чувствовали?

Почувствовал именно из-за отношения лейбла, не считавшего, что на этой пластинке можно делать бизнес. И она немного незамеченной прошла, но вот «Половина сердца» осталась.

И еще там впервые появляются песни на английском.

На английском я всю жизнь пел и пытался сочинять, как и большинство музыкантов, просто это не главное. Мне очень интересно возиться с русским словом, однако некоторые песни сделаны для английского языка. Преступление переводить их на русский. С англоязычного альбома *Cosmopolitan life*, который мы записали с гитаристом Алом Ди Меолой, я ни одной песни не перевел, хотя там были потенциальные хиты даже для «Русского радио».

14-летняя Лиза (дочь Леонида и Анжелики Варум) живет в Майами и без ума от рока. 16-летняя Полина (дочь Леонида от первого брака с балериной Марией Воробьевой) делит свое время между Италией и Францией и собирается поступать в Сорбонну

Вы всегда тяготели к латиноамериканской музыке?

Наверное, с детства. Я мало знал о ней, тогда послушать ее было особо негде. Но латина мне всегда давалась легко, я ритмически так устроен, она во мне живет, мне не нужно было специально учиться. Я помню, когда я только появился на эстраде, ходил слух, что я прожил в цыганском таборе где-то в Латинской Америке год или два. Пустил его гитарист Саша Ольцман, который играл в 1980-е годы в коллективе «Поющие сердца», где мой отец работал директором. Он как-то пошутил в разговоре с журналистом, что меня потеряли на гастролях в Латинской Америке и нашли только через год. Всем так

Вообще я мечтал сыграть с ним, еще когда услышал пластинку, которую замечательная певица и пианистка Азиза Мустафа-заде записала с серьезными ребятами американскими – Винни Колаютой, Омаром Хакимом, Алом, Джоном Патитуччи. Все лабают очень здорово, фирменно, а у Ала всегда противчик, всегда мелодия. Подход такой – музыка должна быть красивой, какой бы сложной она ни была. Мне очень его этот подход приятен. И мы июльские оба – в общем, мы сдружились, это получилось само собой.

Вы больше всего цените в музыке мелодию?

Музыка должна быть интересной, тупую попсу, совсем безвкусную, я очень не люблю. Совсем не слушаю радиостанции. Иногда на гастролях включаю в номере телевизор – узнать, что происходит в этом жанре. И вот парадокс: две песни с одним и тем же битом, но вот эта песня рождает счастье, а эта просто отвратительна. Причем эта отвратительная может быть моднее.

А на концерты за границей вы ходите?

Иногда с дочерью в Майами, но тут испытание для меня, потому что это не просто тяжелый рок – это трудноперевариваемый крошечный шквал. Атмосфера соответствующая. Помню, когда заиграла музыка, я так покосился и увидел вдалеке барную стойку. За ней сидели еще двое таких же обреченных отцов. Мы сразу заказали себе по сто, потому что выдержать это было совершенно невозможно. Когда через двадцать минут выступление закончилось, я, вполне открытый, подхожу и говорю: «Слушай, хорошая была группа, ну чего, все?» И дочь мне говорит: «Папа! Это первый коллектив, а их еще пять!»

Я ПОКОСИЛСЯ И УВИДЕЛ БАРНУЮ СТОЙКУ. ЗА НЕЙ СИДЕЛИ ЕЩЕ ДВОЕ ТАКИХ ЖЕ ОБРЕЧЕННЫХ ОТЦОВ

А сейчас вы пишете по-английски?

Бывает, но это не совсем соответствует моим нынешним взглядам. Когда открылся железный занавес и наша страна стала частью общемирового пространства, нужны были люди, способные делать что-то не совсем «нашенское». Одним из них был я. Нам нужно было заложить фундамент для следующих поколений. Кого сейчас напугаешь фламенко? А тогда этой музыки не знали вообще. И я стремился знакомить слушателя с определенными музыкальными жанрами – фламенко, блюзом, кантри, используя их приемы в поп-музыке. Сейчас, конечно, делаю то же самое, но это уже не луч света в темном царстве.

понравилась эта версия, что никто даже не обратил внимания, что я честно окончил 10 классов в своей родной школе № 863, не оставаясь на второй год. Людям было важно для себя объяснить, откуда у парня испанская грусть.

А с Алом Ди Меолой вам комфортно было в две гитары играть или все-таки вы предпочитали садиться за клавиши?

Если дело принимало серьезный оборот, то, конечно, клавиши. Иногда в Европе, где мы выступали на разных фестивалях, доходило до такой «потасовки» – кто быстрее. И я скажу, что он меня называет «крейзи» и никак иначе, потому что я очень быстрый. Ал считается одним из самых быстрых гитаристов, но я в скорости не уступаю.